

Научная статья
УДК 81:39
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-446-455
EDN: VEZCUO

БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ ЛИНГВОЭТНОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ¹

Вячеслав Исаевич Теркулов

Донецкий государственный университет, Донецк, Россия, terkulov@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0418-4260>

Аннотация: Статья посвящена описанию примордиального лингвоэтнологического подхода к базовому определению этничности и сопоставлению лингвоэтнической идентификации и этнической самоидентификации личности. Дается определение основным понятиям лингвоэтнологии – «лингвоэтносу», «родному языку» и «национальному языку». Лингвоэтнос трактуется как объединение людей, говорящих на одном языке, который определяется для них как родной. Для определения родного языка используется его примордиальная дефиниция как функционально первого языка личности. Границы национального языка устанавливаются на основе следующих четырех признаков: лингвонимная определенность, этническая привязанность, наличие литературного языка, наличие официального статуса. Дается типология лингвоэтнотов, включающая суперлингвоэтнос, базовый лингвоэтнос и сублингвоэтнос. Для базового лингвоэтнота как основы лингвоэтнического членения выделяются изоморфные (базовая, трансформированная и избирательная) и неизоморфные (генетическая и конъюнктурная) модели соотношения лингвоэтнической идентичности и этнической самоидентификации.

Ключевые слова: лингвоэтнос, этнос, родной язык, национальный язык, лингвоэтнология.

Благодарности и финансирование: Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

Для цитирования: Теркулов В.И. Базовые понятия лингвоэтнологического подхода к идентификации личности // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 446-455. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-446-455. EDN: VEZCUO.

© Теркулов В.И., 2024

Original article

BASIC CONCEPTS OF THE LINGUOETHNOLOGICAL APPROACH TO PERSONAL IDENTIFICATION

Vyacheslav I. Terkulov

Donetsk State University, Donetsk, Russia, terkulov@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0418-4260>.

¹ Статья подготовлена на основе доклада на Всероссийской конференции (с международным участием) «Философия и культура народа сквозь призму языка», приуроченной к 30-летию Закона «О языках народов КБР» (г. Нальчик, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», 19 апреля 2024 года).

Abstract: The article describes the primordial linguoethnological approach to the basic notion of ethnicity and compares linguoethnic identification with a person's ethnic self-identification. The definition of the basic concepts of linguoethnology is given: «linguoethnos», «native language» and «national language». The linguoethnos is interpreted as an association of people who have an identical native language. In native languages, the primordial definition is used as a functionally first language. The boundaries of the national language are determined based on four characteristics: linguonim certainty, ethnic attachment, the presence of a literary language, and the presence of an official status. A typology of linguoethnoses is given, represented by a superlinguoethnos, a basic linguoethnos and a sublinguoethnos. For the basic linguoethnos as the basis of linguoethnic division, isomorphic (basic, transformed and selective) and non-isomorphic (genetic and conjunctural) models of the correlation of linguoethnic identity and ethnic self-identification are distinguished.

Keywords: linguoethnos, ethnos, native language, national language, linguoethnology.

For citation: Terkulov V.I. Basic concepts of the linguoethnological approach to personal identification. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 446-455. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-446-455. EDN: VEZCUO.

© Terkulov V.I., 2024

Целью предлагаемой работы является определение основных понятий лингвоэтнологии, предлагаемого к рассмотрению и обсуждению научного направления в рамках этнолингвистики, главная задача которого состоит в определении и описании лингвоэтносов и их соотношения с классическими этносами, в трактовке ситуаций совпадения и несовпадения этнической самоидентификации личности и его лингвоэтнической идентичности.

Для Кавказа, кавказских народов, у которых царит бережное отношение к родному языку, отмечается, в большинстве случаев, совмещение этнической самоидентификации личности с её языковой идентичностью: человек, определяя себя принадлежащим к народу, осознаёт необходимость подтвердить это знанием языка данного народа. Проблемы возникают в тех случаях, когда этническая самоидентификация по тем или иным причинам вступает в противоречие с языковой идентичностью. Именно эти ситуации требуют особого рассмотрения. И они, к сожалению, обнаруживаются и на Кавказе. Например, М.Ю. Донежук отмечает, говоря об адыгейском языке, что «в городе адыгейские дети реже и хуже владеют адыгейским языком, в то время как среди детей, живущих в сельской местности, ситуация диаметрально противоположна» [Донежук 2023: 190].

Как писал Б. Андерсон, «нацию, национальность, национализм оказалось очень трудно определить» [Андерсон 43]. Традиционно в этнологии используется конструктивистский подход, когда этническая принадлежность субъекта представляется «конструктом, артефактом, который либо формируется самим индивидом с целью познания окружающего социального мира (из этнических ярлыков составляется карта для ориентации в этом мире), либо навязывается ему идеологами и политиками — изготовителями этничности (которые путём этнической мобилизации масс достигают собственных политических и экономических целей)» [Рыбаков 2012: 148]. Как пишет В.В. Кочетков, при таком подходе «мы сами конструируем свои идентичности по желанию, необходимо-

сти или принуждению. Идентичности – воображаемые сущности – то, что мы думаем о себе, к чему мы стремимся» [Кочетков 2012: 150].

Н. Иванова отмечает: «Осознание этнической принадлежности строится на основе этнодифференцирующих признаков, которые могут быть самыми разными элементами материальной и духовной культуры. Выбор признака определяется не его объективной характеристикой, а **базовой потребностью человека в категоризации** (выделено нами – В.Т.)» [Иванова 2006: 259]. Б. Андерсон называет нацию / этнос «воображённым сообществом»: «Я предлагаю следующее определение нации: это воображённое политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное. Оно *воображённое*, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живёт образ их общности» [Андерсон 2016: 47]. Этот образ общности как раз и формируется упомянутыми выше этнодифференцирующими признаками, которые трактуются как «традиционные и устойчивые культурные ценности» [Хотинец 2002: 30]. Мотивы, то есть, собственно, эти самые этнодифференцирующие признаки, которые могут направлять личность при выборе им своей этнической идентичности, самые разнообразные. Я, например, будучи сыном татарина и русской, могу посчитать себе и татариним, и русским, а затем найти причину этого выбора. Например, я русский, потому что говорю на русском языке, потому что читаю Достоевского, потому что живу в России и т.д. Но эти объяснения, в принципе, не важны: важен сам факт моего самоопределения, и никто не имеет права не принимать его. Именно такой подход к этнической идентификации, а точнее – самоидентификации, лежит в основе национальной политики в России. В пункте 1 статьи 26 Конституции Российской Федерации говорится: «Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принуждён к определению и указанию своей национальной принадлежности».

При всей демократичности такого подхода он таит в себе несколько «конфликтных» мест.

Во-первых, он позволяет интерпретировать различного рода этнографические объединения, традиционно определяемые как субэтнические, и, предельный случай, вымышленные единства как нации. Научный руководитель Института региональных проблем Д. Журавлев, комментируя появившееся в СМИ сообщение о том, что будто бы Росстат, вернее Ростовстат, который координирует деятельность территориальных органов государственной статистики Юга России, определил казаков как отдельную нацию, отметил: «В выступлении представителя Ростовстата шла речь о словаре самоназваний – то есть о справочнике, основанном на ответах респондентов прошлых переписей. Это технический по большому счету документ, позволяющий ускорить обработку данных. Документ это от переписи к переписи пополняется, сейчас в нем более 2000 вариантов самоназваний. В том числе 13 с использованием слова “казак”». Это обусловлено тем, что при переписи населения «подсчёт ведётся на основе принципа самоопределения национальной принадлежности в соответствии со ст. 26 Конституции РФ. **Как респондент себя назовёт, так и обязан записать в пе-**

реписном листе переписчик — казаком, русским, марсианином, хоббитом, кем угодно (выделено нами – В.Т.)»¹.

Во-вторых, при самоидентификации возможно конъюнктурное самоопределение личности. Н. Иванова пишет: «Политические реалии не раз становились причиной самоидентификации человека с той этнической группой, среди представителей которой он испытывает наибольший психологический комфорт. По этой же причине исследователи не раз отмечали, что дети этнических меньшинств во время опроса идентифицируют себя как представителей титульной нации» [Мкртумян 1978: 260]. Например, в 1897 г. при первой всеобщей переписи населения Российской империи родным считался функционально первый язык. В уездах Екатеринославской губернии, которые сформировали затем Сталинскую область, 50 % респондентов назвали родным великорусское наречие, а 40 % – малороссийское наречие. При переписи же 1923 г. количество русских сократилось до 26 %, а украинцев – увеличилось до 64 %. Это было «обусловлено, скорее всего, <...> реакцией части населения на политику украинизации, проводившуюся в эти годы. Многие респонденты, повинувшись новым веяниям, попросту вписывали в рубрику «родной язык» украинский. Следующая перепись (1939 года) показывает, что данные 1923 искусственны: процентное соотношение русских и украинцев в нём вернулось к соотношению, представленному в переписи 1897 года, и сохранялось вплоть до последних переписей» [ДР 2018: 28].

Мы ни в коем случае не ставим под сомнение научность определения модели этнической самоидентификации, предложенной этнологией, которая имеет свой исследовательский инструментарий, выработанный годами научных практик. Но, как нам видится, такой подход можно дополнить другим подходом, который мы называем лингвоэтнологическим. В основе его лежит понятие **лингвоэтнуса – совокупности людей, говорящих на одном языке, который определяется для них как родной.**

Мы уже не раз писали о том, что именно родной язык является единственным очевидным и объективным маркером этнической идентичности субъекта (см., например [Теркулов, Тамерьян 2023]).

Следует отметить, что существует два определения родного языка.

Чаще всего используется **конструктивистская** дефиниция, которая предполагает, что родным является «язык моей нации». Данное определение не представляется нам удачным. С одной стороны, оно реализует в нашем случае дефиниционный круг: для того, чтобы определить свою этническую принадлежность, я должен определить свой родной язык, но одновременно, чтобы определить свой родной язык, я должен установить свою этническую принадлежность. С другой стороны, конструктивистское определение родного языка, так же, как и определение этноса, основывается на произволе субъекта и зависит от его политических, культурных и т.д. представлений и не отражает его объективного языкового состояния. Основываясь на нём, я могу назвать своим

¹ Электронный ресурс. Режим доступа: <https://news.rambler.ru/sociology/46154082-rosstat-ne-utverzhaet-natsionalnost-kazak-ekspert-o-perepisi-naseleniya/>. Дата обращения – 15.04.2024 г.

родным абсолютно неизвестный мне язык хинди, поскольку я могу посчитать себя представителем этого народа, хоть и не имею на это никаких оснований, кроме моей собственной уверенности в этом.

Мы предполагаем, что единственно возможным инструментом лингвоэтнической идентификации может быть примордиальное определение, согласно которому родным для субъекта является его функционально первый язык, то есть язык, на котором он думает и говорит.

Другим важным моментом теории лингвоэтнуса является определение национального языка, установление того, какой диалект входит в данный язык, а какой – нет, что также является серьёзной проблемой. Мы уже привели наши размышления по поводу этой проблемы, например, в [Теркулов 2022]. На наш взгляд, диалект должен определяться как часть данного национального языка, а не как отдельный язык, на основе экстралингвистических экстралингвистических параметров, к которым относятся лингвонимная определённость, этническая привязанность, наличие литературного языка и наличие официального статуса. При этом данные параметры обладают разным уровнем верификационной ценности: наиболее важны первые два параметра, остальные являются факультативными.

Типология параметров

Лингвонимная определённость. Наличие для диалектов общего родового лингвонима, то есть названия языка. Например, немецкие диалекты, часто принципиально различающиеся в структурно-языковом отношении, считаются диалектами одного языка, поскольку их носители используют для их обозначения лингвоним *немецкий язык (Deutsch, deutsche Sprache)*. То же характеризует и близкие диалекты. Например, носители кумухского, вицхинского, аракульского, бахарского, шаднинского, шалибского, уринского, вихлинского, вачикулинского, каялинского диалектов используют для обозначения своей речи один лингвоним – *лакку маз* (лакский язык).

Когда для обозначения диалекта начинает использоваться не диалектный (сублингвальный), а языковой лингвоним, он превращается в язык. Например, *западногерманский средненемецкий культурный диалект*, относящийся к мозельско-франкской группе говоров и распространённый в Люксембурге, для которого в 1976 г. были утверждены правила правописания, что характеризует его в это время уже как литературный диалект, в 1984 г. получил официальный статус национального литературного *люксембургского языка (Lëtzebuergesch)*, поскольку его носители стали использовать для его обозначения именно этот лингвоним, а не *deutsche Sprache*.

Данный параметр мы считаем базовым при отнесении того или иного диалекта или региолекта к тому или иному языку, соглашаясь с А.А. Зализняком, который отмечал в одной из своих лекций: «На самом деле история всякого языка с определённым названием – французского, русского, латинского, китайского – это история того периода времени, когда существует это его название»¹.

¹ Электронный ресурс. Режим доступа: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431649/Ob_istorii_russkogo_yazyka. Дата обращения – 15.04.2024 г.

Следует указать на существование лингвонимов, обозначающих национальные варианты каких-либо языков. Они состоят из названия материнского языка и той политической нации, которая его использует, например *American English* – английский язык американской нации. В этом случае реализуется стремление при констатации генетической и структурно-языковой близости разных идиомов указать на их связь с разными этносами.

Диалект (региолект) также может иметь свой лингвоним. Например, таков лингвоним *mIanIanta*, обозначающий *тапантский диалект абазинского языка*, который распространён в аулах Кубина и Эльбурган, Псыж, Кара-Паго, Инжич-Чукун, Койдан, Абаза-Хабль, Мало-Абазинск, Тапанта, Красный Восток. Чаще всего субэтнический лингвоним является составным и связывает название субэтнического идиома с этническим, например *донецкий региолект русского языка*. В любом случае особенностью субэтнического лингвонима является то, что он воспринимается своими носителями как гипоним (видовая номинация) по отношению к гиперонимному (родовая номинация) языковому наименованию. Носитель тапантского диалекта, называя своё наречие, одновременно называет его и гиперонимом *абаза бызшва*.

Этническая привязанность, то есть этническая ориентация носителей идиома, выражающаяся в наличии соотносимого с лингвонимом этнонима. Саксонец и шваб называют свои диалекты диалектами немецкого языка, поскольку считают себя *немцами*.

Особая ситуация отмечается для национального варианта какого-либо языка, для которого характерно наличие политонима, не совпадающего с этнонимом, связанным с материнским языком. Например, носителями *австрийского варианта немецкого языка* (*Österreichisches Deutsch*) являются *австрийцы* (*Österreicher*), а *материнского немецкого языка* (*Deutsch*) – *немцы* (*Deutsche*).

Этнографические субэтнические единства также имеют свои наименования, которые выступают в качестве соционимов, используемых для обозначения социальных групп, сословий и т.д., например *казаки*, и этнохоронимов или катойконимов – для обозначения компактно проживающих граждан, использующих свои диалекты или региолекты. Например, у старожилов аула Ходзь, находящегося на юге Кошехабльского района Республики Адыгея России, жители которого говорят на кубанском говоре кабардино-черкесского языка (лингвоним – *адыгэбзэ*), по свидетельству А.Х. Аашагова, «можно услышать такой термин: “лэбэдэс кьэбэрдей” – кабардинцы, живущие у Лабы, или “кьэбэрдей хьэжырэт” – беглые кабардинцы» [Афшагов 1998: 5].

Наличие литературного языка, объединяющего диалекты в один национальный язык. Мы различаем:

– языки, имеющие один литературный язык, например *французский литературный язык* (*langue littéraire française*), *абхазский литературный язык* (*аҭсуа бызшәа*), основывающийся на *абжуйском диалекте*, и другие;

– языки, имеющие несколько литературных языков, либо существующих параллельно для всех носителей языка, как, например, норвежский язык, реализующийся в *bokmål* и *nyunoшк*, либо представленные как общенациональный литературный язык и литературный диалект, например общенациональный *български книжовен език*, и *bâlgârsćijà jázić* или банатско-български книжовен

язык, распространённый в исторической области Банат, западная часть которой принадлежит Сербии, а восточная – Румынии;

– языки, не имеющие литературного языка, например *цыганский язык*. Единственным кавказским языком, не имевшим литературной формы, считают *убыхский язык* ($t^waxəbza$).

Наличие официального статуса. Различаются статус единственного государственного языка, например, у *немецкого* в ФРГ, языка международной организации, например, у *русского* в ООН, одного из нескольких государственных языков, например, у *кечуа* в Перу наряду с *испанским*, официального языка провинции, например, у *осетинского* в России, являющегося официальным в Северной Осетии – Алании, регионального языка, например, у *верхнелужицкого* в ФРГ.

На основе указанных параметров нами определяются:

1) суперординатный язык (английский), то есть национальный язык, имеющий лингвоним (*English*), обозначающий материнский язык исходного этноса (*English people*), имеющий литературную форму (*Standard English*) и статус государственного языка, языка международных организаций, одного из нескольких государственных языков (в *Ирландии*); статус суперординатного обеспечивается благодаря наличию у языка **национальных вариантов** (*American English, Australian English* и т.д.);

2) базовый распространённый язык (русский), имеющий лингвоним (*русский язык*), связанный с этносом (*русские*), литературную форму и статус государственного языка (в России), языка международных организаций, одного из нескольких государственных языков (в Белоруссии);

3) базовый ординарный язык (польский), имеющий лингвоним (*język polski*), связанный с польским этносом (*polacy*), литературную форму (*polski język literacki*) и статус государственного языка в одном государстве (в Польше);

4) базовый язык – национальный вариант (австралийский английский), имеющий лингвоним (*Australian English*), связанный с политонимом (*australian*), литературную форму и статус государственного языка (в Австралии);

5) базовый негосударственный язык (курдский), у которого отмечаются лингвоним (*Zimanê Kurdî, كوردی زمانێ*), связанный с этнонимом (*كورد, Kurd*), литературные формы (*Zaravayê Kurmancî, کورمانچی زەراڤایی* и *Zaravayê Sorani, سۆرانی زاراوای*); при этом курдский язык не имеет официального статуса ни в государствах, ни в общественных организациях;

6) базовый нелитературный и негосударственный язык (цыганский), использующий лингвоним (*Романы чиб, Romaný chib, Romańi čhib, Romańi čib, ऋओमञ्चइ चइब*), связанный с этнонимом (*рома*); цыганский язык не имеет литературной формы (следует, правда, сказать, что сейчас предпринимаются попытки создания на базе кэлдэрарских диалектов наддиалектного койне – «общецыганского языка») и официального статуса ни в государствах, ни в общественных организациях;

7) литературный субэтнический идиом (*марийский горный*): диалект, имеющий лингвоним (*Марий курык йылме*), противопоставляющийся марийскому

луговому языку, осознаваемый носителями как диалект марийского языка, имеющий свой литературный вариант, но не имеющий официального статуса.

8) субэтнический идиом (курский диалект): диалект, имеющий лингвоним (*курский говор*), осознаваемый носителями (*курянами*), использующий общенациональный литературный вариант русского языка, как диалект русского языка, не имеющий официального статуса

На основе приведённой классификации мы можем вывести три модели сформированных лингвоэтносов:

1. **Суперординатная модель (суперлингвоэтнос):** существует язык, выступающий в качестве функционально первого у разных этносов, каждый из которых имеет отдельную этническую самоидентификацию, подкреплённую определением своего идиома как национального варианта этого языка. Таков, например, испанский язык (*castellano* или *español*), который существует в целом ряде латиноамериканских национальных вариантов: парагвайском (*español paraguayo*), амазонском (*español amazónico*), кубинском (*español cubano*) и других.

2. **Базовая модель (базовый лингвоэтнос):** существует язык, могущий быть распространённым в разных странах, но его носители в этих странах не считают себя представителями разных этносов. Например, русский язык распространён в Казахстане, Белоруссии, на Украине и т.д., но в этих странах нет этнических общностей, которые бы считали себя отдельной нацией, говорящей на национальном варианте русского языка: граждане Казахстана, говорящие на русском языке, считают себя либо русскими Казахстана, либо казахами, знающими русский язык, но не представителями какой-то новой нации, говорящими на своём национальном варианте русского языка. Для базового лингвоэтноса отмечаются следующие модели совмещения лингвоэтнической идентичности и этнического самоопределения:

а) **базовая:** носитель языка относит себя к тому этносу, для которого этот язык является родным, например носитель ингушского языка (*glalglai mott*), считающий и называющий себя ингушом (*Г'Алг'Ай*);

б) **трансформированная:** носитель языка, являющийся по происхождению представителем другого народа, но считающий себя уже перешедшим в этнос своего функционально первого языка, например обрусевший немец, говорящий и думающий на русском языке как функционально первом и считающий себя русским;

в) **избирательная:** ребёнок, рождённый в «интернациональной семье», свободно владеющий языками отца и матери, но идентифицирующий себя по этнической принадлежности одного из родителей; например, ребёнок, рождённый в семье армянина и русской, свободно говорящий и на армянском (*հայերէն*) и на русском языках, но считающий себя армянином.

Приведённые модели мы считаем **изоморфными**, когда функционально первый язык становится основой для этнического самоопределения. **Неизоморфными** являются ситуации, когда возникает различие между этнической самоидентификацией и лингвоэтнической идентификацией:

г) **генетическая**: обрусевший грузин, живущий в России и имеющий в качестве функционально первого русский язык, всё-таки идентифицирует себя как грузина;

д) **конъюнктурная**: русский, живущий в Латвии и сохраняющий в качестве функционально первого русский язык (при этом знающий и латышский язык), считает себя латышом.

3. **Субординатная модель (сублинговэтнос)**: объединяет носителей идиома, который определяется ими как региолект или диалект какого-либо языка. У носителей этого идиома реализуется двойственная самоидентификация – субэтническая и этническая. Таковы, например, носители *анцухского диалекта аварского языка*.

Приведённые модели даны только как очевидный образец. Они, разумеется, требуют своего глубокого осмысления и описания.

Итак, базовыми понятиями лингвоэтнологического подхода являются «лингвоэтнос», определяемый как совокупность людей, говорящих на одном языке, который является для них родным; «родной язык», то есть функционально первый язык индивида; «национальный язык» – язык, имеющий связанный с этнонимом лингвоним и могущий иметь литературную форму и официальный статус в государстве и/или в каких-либо международных организациях. Различаются суперлингвоэтнос, базовый лингвоэтнос, для которого отмечаются изоморфные (базовая, трансформированная и избирательная) и неизоморфные (генетическая и конъюнктурная) модели соотношения лингвоэтнической идентичности и этнической самоидентификации, и сублинговэтнос. В дальнейших исследованиях мы предполагаем глубже представить каждое из приведённых в нашей работе положений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Андерсон 2016 – *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.

Афшагов 1998 – *Афшагов А.Х.* История аула Ходзь. – аул Ходзь; Майкоп: Адыгея, 1998. – 178 с.

ДР 2018 – *Донецкий региолект*: монография; под ред. В.И. Теркулова. – Донецк: Издательство ООО "НПП Фолиант", 2018. – 265 с.

Донежук 2023 – *Донежук М.Ю.* Проблемы бытования адыгейского языка среди адыгейской молодежи: на примере сравнения городских и сельских студентов в г. Майкоп // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 188-201. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-188-201. EDN: CXFBZN.

Иванова 2006 – *Иванова Н.* Этническая идентичность: особенности формирования и методы исследования // *Revista de etnologie și culturologie*. – Vol. 1. – Chișinău, 2006. – С. 259–265.

Кочетков 2012 – *Кочетков В.В.* Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2012. – № 2. – С. 144–162.

Рыбаков 2012 – *Рыбаков С.Е.* К вопросу об этническом феномене // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2012. – № 2(108). – С. 147–156.

Теркулов 2022 – *Теркулов В.И.* Язык или диалект: к проблеме разграничения явлений // Культура в фокусе научных парадигм. – 2022. – № 14–15. – С. 195–203.

Теркулов, Тамерьян 2023 – *Теркулов В.И., Тамерьян Т.Ю.* Языковая идентификация и идентичность // Политическая лингвистика. – 2023. – № 1(97). – С. 27–34.

Хотинец 2002 – Хотинец В.Ю. Этническая идентичность и толерантность. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 121 с.

REFERENCES

ANDERSON B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostranении nacionalizma* [Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. – Moscow: Kuchkovo pole, 2016. – 416 p. (In Russ.).

AFSHAGOV A.H. *Istoriya aula Hodz'* [The history of the village of Khodz]. – Khodz village; Maykop: Adygea, 1998. – 178 p.

Doneckij regiolekt [Donetsk regiolect]: a monograph; edited by V.I. Terkulov. – Donetsk: Publishing house of NPP Foliant LLC, 2018. – 265 p. (In Russ.).

Donezhuk M.Y. *Problemy bytovaniya adygejskogo yazyka sredi adygejskoj molodezhi: na primere sravneniya gorodskih i sel'skih studentov v g. Majkop* [Problems of the existence of the Adyghe language among Adyghe youth: an example of comparing urban and rural students in Maykop]. IN: *Elektronnyj zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2023. – No. 1. – Pp. 188-201. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-188-201. EDN: CXFBZN. (In Russ.).

IVANOVA N. *Etnicheskaya identichnost': osobennosti formirovaniya i metody issledovaniya* [Ethnic identity: features of formation and research methods]. IN: *Revista de etnologie și culturologie*. Vol. 1. Chișinău, 2006. – P. 259-265. (In Russ.).

KOCHETKOV V.V. *Nacional'naya i etnicheskaya identichnost' v sovremennom mire* [National and ethnic identity in the modern world]. IN: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. – 2012. – No. 2. – P. 144-162. (In Russ.).

RYBAKOV S.E. *K voprosu ob etnicheskom fenomene* [On the issue of the ethnic phenomenon]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring public opinion: economic and social changes]. – 2012. – No. 2(108). – P. 147-156. (In Russ.).

TERKULOV V.I. *Yazyk ili dialekt: k probleme razgranicheniya yavlenij* [Language or dialect: to the problem of distinguishing phenomena]. In: *Kul'tura v fokuse nauchnyh paradigm* [Culture in the focus of scientific paradigms]. – 2022. – No. 14-15. – P. 195-203. (In Russ.).

TERKULOV V.I., TAMERIAN T.YU. *Yazykovaya identifikaciya i identichnost'* [Linguistic identification and identity]. In: *Politicheskaya lingvistika*. – 2023. – No. 1(97). – P. 27-34. (In Russ.).

KHOTINETS V.Y. *Etnicheskaya identichnost' i tolerantnost'* [Ethnic identity and tolerance]. – Yekaterinburg: Ural Publishing House. unita, 2002. – 121 p. (In Russ.).

Информация об авторе

В.И. Теркулов – доктор филологических наук, профессор.

Information about the author

V.I. Terkulov – doctor of sciences (Philology), professor.

Статья поступила в редакцию 30.05.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 30.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.